

Марина Семенова — больше чем идеал!

Увеликой Марины Семеновой — великий юбилей. 12 июня в Большом театре пройдет чествование гениальной балерины и педагога. Это — праздник всего балетного мира. Ведь имя Семеновой — синоним балета, ее жизнь — подвиг активного и вдохновенного долголетия. Танец любимой ученицы Вагановой — божественный эталон классического совершенства — овая легендами.

Марина Семенова царствовала на сцене с 1925 года, сначала в Мариинском, затем — в Большом. Поговорить с Мариной Тимофеевной не удалось — она не дает интервью и этому принципу не изменяет никогда. Воспоминаниями о любимом учителе делится народная артистка СССР Нина СОРОКИНА — одна из плеяды семеновских воспитанниц, составивших гордость русского балета.

— С Мариной Тимофеевной я прожила долгую и счастливую жизнь в искусстве, и об этом удивительно приятно вспоминать. Первая новость, которую я услышала, переступив порог Большого театра в 1961 году, меня ошеломила: со мной, недавней ученицей, будет работать сама Семенова. Для нас Марина Тимофеевна была недостижимым идеалом. Во времена учебы она казалась человеком из балетной культуры давно минувших времен, которые мы не застали. Ходили легенды о ее поразительной пластической выразительности, строгом и остром характере, старшие показывали нам комбинации движений уникального семеновского класса. О творческой встрече с Мариной Тимофеевной не только мечтать, но и подумать-то было невозможно.

Шок продолжался долго. Я не могла представить, как можно танцевать перед Семеновой. Была назначена первая репетиция — ввод в балет Асафьева "Пламя Парижа", где мне была поручена партия Жанны. От страха я не могла войти в зал и робко жалась в углу. Подошла Марина Тимофеевна: "Ну, девочка, покажи, что ты умеешь". Я, конечно, нервничала и как танцевала — не помню, но пару раз свалилась с пальцев. Семенова следила внимательно, а потом сказала: "У нас — непотачный край работы. Давай начинать". И началась наша репетиция длиной в 27 лет.

В работе проявлялось все своеобразие характера и личности Марины

Тимофеевны. Она умела быть требовательной, настойчивой и даже резкой, но к решениям подводила исподволь, через проработку нюансов, деталей. Как поразительно она показывала! Ее легкие руки передавали любое настроение: радость, окрыление, трагедию, каприз, скорбь. Она могла повернуть голову, улыбнуться, а лицо озарилось внутренним светом: в зале уже была не прославленная балерина и великий педагог, а Жизель или Китри, Одетта или Аврора. Она учила танцем выражать музыку, передавать настроение, привносить в исполнение свое отношение к природе и миру. На репетициях никогда не отделяла технику от художественной выразительности, требовала одухотворенности при исполнении любого движения. Да и до сих пор, насколько я знаю, Марина Тимофеевна не прощает своим ученикам равнодушия.

Самой сложной и самой памятной стала работа над Авророй в "Спящей красавице". Я страдала, переживала, плакала. Мне казалось, что не справлюсь никогда с этой труднейшей партией классического репертуара. После репетиции, когда понимала, что не способна соответствовать требованиям педагога, что у меня ровным счетом ничего не получается, Марина Тимофеевна подходила ко мне, накрывала мои плечи халатиком, сажала на колени, жалела и успокаивала.

Похвала Семеновой была редкой наградой. Марина Тимофеевна мудро вела нас по жизни, все, что с нами

М.Семенова

происходило, было ей не безразлично. Она всегда была выше дразг, которых случалось немало, никогда и никому не льстила и в то же время не оставалась в стороне от происходящего. Была внимательна и настойчива в выборе партнеров для своих учениц, деловито распоряжалась кавалерами, оставляя лишь тех, которые могут "оттенить" ее творения — ее учениц.

В жизни Марина Тимофеевна, наоборот, человек не строгий и в высшей степени деликатный. Радушна, отзывчива, хлебосольна и удивительно молода. Ее до сих пор интересует все, что происходит со мной. Она, сама Семенова (!), такая легкая на подъем и открытая на помощь, приехала в школу Михаила Лавровского, где я сейчас преподаю, и провела класс с моими подопечными. В свои солидные лета практически сделала весь станок! В эти минуты она казалась моложе всех собравшихся — опять запели руки, опять озарилось чудесным светом лицо. И я вновь увидела совершенство. То, что невозможно повторить и которому бессмысленно подражать.

Нина СОРОКИНА

Рукабтура. — 2003. — № 18 июня. — С. 9